

Ирина Евса
Г.Харьков, Украина.

ПОДБОРКА СТИХОТВОРЕНИЙ ИЗ КНИГИ «ТРОФЕЙНЫЙ ПЕЙЗАЖ»

* * *

В кипарисовом зное на фоне закатов,
наводящих туриста на мысль о пожарах,
Квач-Таврический плыл и Борисов-Мускатов
плелся, парк отражая в крутых окулярах.

Первый — грузный, заросший; второй под нулёвку
бритый, тощий, с прорехой на левом кроссовке, —
вызывали у встречных курортниц издёвку,
а не мысль о совместной греховной тусовке.

Сняв подвал у пропившего честь военкома,
с коридором, глухим, как застенки Бутырки,
эта парочка, жаждой наживы влекома,
разливала поддельные вина в бутылки.

Был и третий (его проморгала контора) —
поставщик невзыскательной жужки, что, кстати,
первоклассной основой слыла для «Кагора»
и «Церковного», не говоря о «Мускате».

Их потом замели, прихватив на горячем
красном вареве, на этикетках и пробках
в разномастных коробках... А как же иначе?..
Но зажмурюсь и вижу на глинистых тропках

шустрых ящерок... Бухты чернильная клякса.
И сбегает к воде, за холмом пропадая,
Квач, Борисов и третий, что яростно клялся
мне в Тавриде: «Поверь, никогда, никогда я...»

* * *

Кто теперь бубнит Горация и Катулла,
возвращаясь вспять, слезу задержав на вдохе?
Нас такой сквозняк пробрал, что иных продуло,
а других, как мусор, выдуло из эпохи.

Кто теперь способен до середины списка
кораблей добраться? Лучше не думать вовсе.
А ловить на спиннинг мелкую рыбку с пирса
и косить на горы в бледно-зеленом ворсе.

Обходить за милю скифа или сармата,
не дразнить варяга и не замать атлета,
чтоб, озлясь, не бросил в спину: «А ты сама-то,
кто такая?» Я-то? Господи, нет ответа.

Поплавок, плевок, трескучий сверчок, к нон-стопу
за сезон привыкший в каменной Киммерии,
на крючке червяк, Никто, как сказал циклопу
хитроумный грек, подверженный мимикрии.

Я уже так долго небо копчу сырое,
 что давно сменяла, чтоб не попасться в сети,
 на овечью шкуру белый хитон героя:
 проморгали те, авось, не добьют и эти.

И пускай читают лажу свою, чернуху,
 стерегут общак, друг в друга палят навскидку.
 ...Подойдет дворняга, влажно подышит в ухо,
 мол, жива, старуха, - ну и лови ставридку.

* * *

А. Кушнеру

Представляю, как в море входил Мандельштам:
 робко, боком к волне, что, спадая, шипела;
 дно вслепую исследуя, словно считал
 «раз-и, два-и», как школьник, зубрящий Шопена;

зубы сжав, чтоб в сраженье с волной ледяной
 не нарушить порядка движений прилежных;
 и с пугливой оглядкой – а вдруг за спиной
 ироничный смешок *европейнок нежных*.

А когда, наконец, он решался и плыл, -
 то не кролем, не брассом, а как-то иначе.
 Подбородок повыше поднять норовил,
 задышался и к берегу греб по-собачьи.

И с несчастным, заплыванным пеной лицом
 выбегал, заслонившись усмешкою жалкой.
 ...А вот Брюсов, наверно, отличным пловцом
 был: он дам не боялся и ладил с дышалкой.

* * *

Ночь стерла бальзамин и виноград,
 как будто их и не было в природе.
 И черный двор – почти уже квадрат
 Малевича иль что-то в этом роде.

А в нем завис, пуская пузыри
 во глубине волнисто-потаенной,
 дом, словно рыба с кем-нибудь внутри:
 С живым Ионой и женой евонной.

...Открыв окно, он курит, едкий дым
 в целебный воздух юга выпуская.
 И красный Марс колеблется над ним,
 поживаясь, как звезда морская.

Ионику знобит. Но вместе с тем,
 от жарких дум влажна ее подушка,
 поскольку в нем, как фосфор в темноте,
 просвечивает тайная подружка.

И хочется сказать ему: «Насквозь
 я вижу вас!» Но смахивая что-то,
 она бурчит привычное: «Набрось

на плечи куртку и запри ворота».

И это бормотание, как чек,
что выписан пожизненно обоим.
Уже непотопляем их ковчег
с бесчисленным количеством пробоин,

с жуком, бесцельно бьющимся в стекло,
с наплывами из Ветхого Завета...
Он не уйдет, поскольку с ней тепло
и, как сказал поэт, *не надо света*.

* * *

В затерянном селе среди марусь и галь,
с молочных вод реки взимая карасями,
так тихо ты живешь, залетный нахтигаль,
последний самурай из фильма Куросавы.

И, вёслами плеща под гулкое «ку-ку»,
нечаянно спугнув эскадру диких уток,
пытаешься достать рассветную строку,
неясную, как всё в такое время суток.

Здесь дров не наломал рачительный прогресс,
ну, может быть, слегка варяги наследили.
И если я тебе отправлю SMS,
оно не долетит, свернув на середине

реки в мои края, в приморский городок,
где воздух, словно сыр, солоноват и плотен;
где вялится катран и жарится хот-дог,
и пресная попса гремит из подворотен.

Ты — царь. Живи один, заботу о душе
окучивая, как любой, кому за сорок, —
покуда под челном, застрявшем в камыше,
качаются лещи на призрачных рессорах,

покуда вспять летит опасный мой посыл,
что ни прямая нам не в помощь, ни кривая...
Но все-таки, зачем ты Господа просил,
чтоб пальцы разжимал, даря или давая?

* * *

Не расспрашивай вкрадчиво, как здоровье,
из прохладной провинции позвонив, —
мне ничто не обходится малой кровью.
Багровея, подрагивает залив.

Цепь золотая на местном блестит Аяксе;
темно-синяя туча ползет за тракт;
и сосед в инвалидной своей коляске
выезжает на берег смотреть закат.

Полосу, где прокапал невнятный дождик,
бороздит экскаватор, задрал черпак.

Пляж рыжее, протяжный, как шестисложник
с неизменной цезурой, — иначе как?

У меня, повторю тебе, всё в порядке:
переездом из Ялты грозят друзья,
каждый вечер село поливает грядки —
тоньше спички из крана течет струя.

И не слишком я Господа загружала,
только с тем и взывая к нему с утра,
чтоб медведка не срезала баклажаны
и внезапно не запили мастера.

Чем ровнее земля, тем желанья чётче,
и легко выбираешь одно из двух,
бормоча: «Выручай меня, Авва Отче!»
Как сказал бы мой кореш, — открытый звук.

Потому — будь здоров, а звонить не стоит:
хуже нет, чем словцом вышибать слезу.
Я — участник событий, а ты — историк.
Обобщи и число прилепи внизу.

* * *

Ты видишь стол, клеенку в клетку,
обрывок берега, прибой,
остекленевшую креветку
на клетке серо-голубой,

перелинявший лист ореха
в эмалированном тазу
и кулинарного огреха
вздых — подгоревшее азу.

Ты видишь чернь и позолоту
черешен с вымокшей листвой,
пса безразмерную зевоту
над косточкою мозговой.

Как пристальный фотохудожник,
перемещая объектив,
ты перехватываешь дождик,
репейника императив,

на желтой лавке пассатижи,
гвоздей разбрызганный запас...
Спросил бы лучше, что я вижу,
когда я вглядываюсь в нас:

двор, сад, где ежики сновали.
А там, в дыму, наверно, ты?
Но все засвечено словами.
Исчеркано до черноты.

В ЗАПОВЕДНИКЕ

Не скатись в терновник. Сухой будяк

не тревожь — он старый.
 Мы спугнули чаек: они галдят,
 как в байрам татары.
 Не пройти кацапу с хохлом вдвоём
 по тропинкам узким.
 Успокойся: здесь не крутой подъём,
 не опасны спуски.

Мимо егерь, вкрадчивый, что абрек,
 почесал на базу.
 Не топчи ковыль, не ломай кермек —
 оштрафует сразу.
 Этот мыс на камешки не богат,
 но любой добытчик
 знает, где сокрыт голубой агат
 или яшмы ситчик.

Нам с тобой осталось, мой спутник злой,
 три-четыре метра,
 чтоб залечь на солнце под той скалой,
 где не будет ветра.
 И тогда, на гальку упав щекой,
 от жары немея,
 отхлебну из фляжки, махну рукой:
 ну, мели, Емеля,

что «поэтов русских синдром вины
 загоняет в угол,
 и они блаженные видят сны,
 но рождают пугал»,
 что «пахан их, Пушкин, банален, да,
 как простой Апухтин»,
 и что яшмы не было никогда
 в Лягушачьей бухте.

* * *

Кубики льда в бокале «Алиготе»,
 а в рюкзаке «Мерло» золотой запас.
 Набережной ночное прет-а-парте:
 каждый второй моложе и крепче нас.

Вслух произнес, и словно сквозняк возник.
 В тесный поток выныривая из тьмы, -
 то ли они сквозь нас, то ли мы сквозь них.
 Спринтеры – там, но к финишу ближе мы.

Время нам резко сузило коридор,
 чтоб до поры не выпал иной ходок,
 под языком катая, как валидол,
 льдинки не утоляющий холодок,

чтоб на бегу не сбил: «Отвали, мурло!»
 прыткий тинейджер дружественной страны.
 Главное – донести в рюкзаке «Мерло».
 Там, где мерцает финиш, мы все равны.

* * *

Вертикально пробив облака,
проскользнув меж прибрежных камней,
луч нашарил полоску песка,
загорелую пару на ней.

Красных водорослей островки
колебались согласно волне,
и сверчки, как сухие стручки,
раскрываясь, трещали вовне.

От луча заслонившись, она
капли пота смахнула с чела,
бормоча из наплывшего сна:
«Проследи, чтоб не села пчела».

Он прилежно стерег, чтоб никто
не напал из носителей жал.
Нависая над желтым плато
вертолет раздраженно брюзжал.

И мужчина, следя, как волна,
разогнавшись, вершила кульбит,
размышлял, что назавтра сполна
расплатиться ему предстоит

за подружки полуденный сон,
склон, горячей скалы козырек...
...что вообще, ни один соломон
ни одну суламифь не сберег.

* * *

На горизонте маячит сейнер,
присмотришься — теплоход.
Дельфины гонят кефаль на север,
выпрыгивая из вод.

Лохов на деньги развел катала.
Пляж в хаосе. Воздух сух.
Любитель пива грызет катрана,
отмахиваясь от мух.

Что толку глухо ворчать: «Варяги!»
да грезить: «В Москву, в Москву!».
Читал бы лучше семейной саги
семнадцатую главу,

ловя прищуренным оком судно,
которым залив прошит.
Когда действительность столь абсурдна,
она уже не страшит.

...Пробраться сквозь вековые глыбы
и стайку медовых ню
туда, где в синих глубинах рыбы
щекочут твою ступню,

где, на безмолвные складки, блики
сменяв человечесью речь,
медуз агаты и сердолики
всплывают тебя обжечь.

И можно долго — сначала брассом,
а, выдохшись, на спине —
скользить по этим волнистым трассам
с дельфинами наравне

вдоль островков, где торчат бакланы
хасидами скал, когда,
пересыпая свои барханы,
меняет ландшафт вода.

Без сожаленья расставшись с теми,
дерущимися за власть,
рванешься к собственной гибкой тени,
чтоб с ней наконец совпасть,

и, в дно впечатавшись позвонками, —
уже до скончанья лет
замрешь, облепленный пузырьками,
как сейнер или корвет.

* * *

Как мне жаль эту муху, вьющуюся по кругу,
зависающую то в примуле, то в герани,
эту тягостную, навязчивую подругу,
просекающую, что осень уже на грани,

что мороза паучья нить перехватит вскоре
дребезжащее горло вьедливой ариадны...
Я сама — только зной люблю, только сад у моря
с фиолетовыми прожилками олеандра.

Только ветер, сухой, тугой, облепивший плотно
посмуглевшее тело, словно перчатка — руку,
только пирс деревянный, мыс, парусов полотна,
на дремотной волне скучающую фелуку.

Я, как муха, лечу на запах вина и мяса,
над базарными деловито кружу рядами,
вожделенно жужжа; к зиме не скопив запаса,
залетаю в чужую форточку с холодами,

чтоб, скользнув на пейзаж с голландского натюрморта,
с липких лапок стряхнув брезгливо остатки пыли,
в полутемном углу залечь, притвориться мертвой,
в беспробудную спячку впасть до апреля. Или...

* * *

Паучком покатиться в сохнувшем рукаве
полотняного лета... Завтра уже сентябрь.
А сегодня на море ветрено: УКВ,
в переводе на человеческий — просто рябь.

Темно-красным внутри подсвечено, как болид,
выплывает большое облако из-за гор.
И в соседнем дворе подвыпивший инвалид
направляет коляску прямо на мой забор.

Армянин, под навесом вялящий бастурму,
истязает поселок визгом попсы блатной.
День свихнулся, и это радует, потому,
что теперь он ноздря в ноздю семенит со мной,

приставая к прохожим, словно дурной кобель,
ошалевший от обожанья и от жары.
Вот махну на такси в раскрученный Коктебель
дегустировать вина и заседать в жури,

где меня троекратно виршами вгонят в гроб
волосатое чмо с наколками на груди,
генитальный пиит в бандане и лысый сноб —
маньерист куртуазный, Господи, огради!

От словесного изверженья оторопев,
улизну, предприняв отчаянный марш-бросок,
чтоб на жирной, обжорной набережной в толпе
вдруг застрять, как в расческу впившийся волосок;

чтоб из меркнувших вод, где всяк на своей волне,
подносящей окурок скрюченный да стакан,
всплыть, как Немо, в кафе с названием «Эмине»,
если есть хоть один не занятый дастархан.

Суть не в том, что чужак-татарин верней, чем друг,
что лепешку бесплатно тут подают к харчо.
Просто дух, над холмом свершив соколиный круг,
воротился ни с чем и сел на мое плечо.

ПРОГУЛКА ПО ФЕОДОСИИ

Дождь. На всём околотке —
рябь, куда б ни глядели.
Лето стало коротким
даже в крымском эдеме.
+ 4 (не боле) —
гиблый день для прогулок.
Мы в Сейсмический, что ли,
забрели переулочек?

Нас тут ласково примут:
плед, сухарики к чаю...
«Просто портится климат, —
на ходу отмечаю, —
размывается праздник
(от восторга — к протесту).
А в итоге: sic transit,
ну и дальше по тексту».

В пререканья нетрудно
впасть промокшим до нитки.

Подгребем обоюдно
к деревянной калитке,
где молекулы примул
на единственной сотке...
Нас тут ласково примут:
стол, огурчики к водке.

Не трясись — не ограблю,
завлеку не к хазарам:
в доме питерцы — всё же
люди родственной ветки.
На гитаре «Альгамбру»
нам слабают хозяин,
как супругов уложит
спать на панцирной сетке,

где, скатившись друг к другу, —
отогреты и сыты, —
в лихорадочной спешке
в губы ткнемся губами...
— Сколько можно по кругу? —
возражаешь сердито, —
Лучше сядем в кафешке,
спросим пиццу с грибами!

ПРОЩАЛЬНЫЙ МАРШ СЛАВЯНКИ

Грозили шквалом в полночной сводке,
но мелкий дождик частит с утра.
прощайте, шлюпки, рыбацьи лодки,
лотки, пивнушки et cetera!

Смурные баржи и сухогрузы,
плацдармы лени и толкотни,
где распадаются все союзы,
как Soviet Union в оны дни.

Вот сад, пропивший июльский глянец,
где, скор в движеньях, на речи скуп,
к нам прилепившийся итальянец
из местных мидий варганит суп.

Прощай, сакральная пантомима
опавших листьев в углах двора.
И ты, неверный, как sole мимо,
посланник Рима, прощай – пора!

Мы будем вместе, но не сегодня.
И воду в ступе к чему толочь,
покуда Кафа – торговка, сводня –
качает, нянчит и проч., и проч.

* * *

Ты, дробящий толпу на взводы и на бригады,
изучающий алчно карту моих дорог,
мы с тобой не по разны стороны баррикады
потому, что и баррикада есть диалог.

Я, представь, не любила с детства урчання, рыка,
 этих «смир-рно!», «р-равняйсь!», раскатов двойного «эр».
 И картавость моя — лишь косвенная улика
 внутривенного неприятия крайних мер.

Безразлична к твоим указам моя держава —
 обесточенная провинция, for example, —
 южный двор, где лучом закатным подсвечен справа,
 над верандой завис сирени прощальный залп;

где легко шепоток о Шнитке или Башмете
 разрастается в гул вечернего кутежа,
 и, как пуля, от стенки треснувшей срикошетив,
 майский жук на тарелку шлепается, жужжа.

... Иногда из набухшей тучи звучит валторна,
 И в ответ верещат встревоженные сверчки.
 Но мятеж принимает форму ночного шторма,
 что смывает к утру прибрежные кабаки.

Всякий стяг на твоих просторах мне фиолетов,
 демонстрация власти, переговоры, блиц-
 интервью... И меня мутит от любых декретов,
 как порою мутит от жизни самоубийц.

С генералами сил ошую и одесную
 ты спешешь завершить батальное полотно.
 Но, как только твои войска подойдут вплотную,
 эта малая атлантида уйдет на дно.

И трофейный пейзаж, что, впрочем, не столь заманчив,
 диковато сверкнет в голодном твоём зрачке:
 на лазоревом — белый пластиковый стаканчик
 с полумертвым сверчком на выпуклом ободке.